

ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ МИРОВОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И ЯЗЫКОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.А. Марусенко

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматриваются причины и механизмы изменения парадигмы мировой языковой политики и их последствия для языковой образовательной политики Российской Федерации. Переход от этнокультурной парадигмы к национально-функциональной, уже произошедший во многих мультиэтничных и мультиязычных государствах мира, в России задерживался из-за преувеличения уникальности этнокультурного состава населения. Однако сегодня как власти, так и большинство граждан рассматривают использование языков не как лингвистическую или политическую, а как социально-экономическую проблему. Для выравнивания возможностей разных категорий носителей русского языка и языков народов Российской Федерации предлагаются четыре варианта языковой модели россиянина, каждой из которых должен соответствовать своя модель языковой образовательной политики.

Ключевые слова: языковая политика, этнокультурная парадигма, национально-функциональная парадигма, языковая образовательная политика, языковая модель россиянина.

SHIFT OF WORLD LANGUAGE POLICY PARADIGM AND LANGUAGE EDUCATIONAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

M.A. Marusenko

Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen
Saint-Petersburg, Russia

The article discusses the causes and mechanisms for changing the paradigm of world language policy and their consequences for the language education policy of the Russian Federation. The transition from the ethnocultural paradigm to the national-functional, which has already taken place in many multiethnic and multilingual states of the world, was delayed in Russia due to the exaggeration of the uniqueness of the ethnic and cultural composition of the population. However, today both the authorities and the majority of

citizens see the use of languages not as a linguistic or political, but as a socioeconomic problem. To equalize the possibilities of different categories of speakers of the Russian language and the languages of the peoples of the Russian Federation, four versions of the language model of the Russians are offered, each of which must correspond to its own model of language educational policy.

Key words: language policy, ethnocultural paradigm, national-functional paradigm, language educational policy, language model of a Russian.

Проблематика. В предшествующей (этнокультурной) языковой парадигме языки рассматривались, прежде всего, с точки зрения сохранения языкового разнообразия. Сохранение этого разнообразия считалось главной задачей ученых, политиков и лидеров языковых сообществ во всем мире и, в частности, в бывших республиках СССР. В России проблема языковых меньшинств в последние годы приобрела особенно острый характер из-за осознания растущей опасности исчезновения многих миноритарных языков и выдвижения многими национальными меньшинствами требований признания своих языковых идентичностей.

В рамках этой парадигмы снижение этноязыковой жизнеспособности миноритарных языков и переход части из них в категорию языков, находящихся под угрозой исчезновения, рассматривались исключительно как следствие многолетней политики русификации. Именно повсеместное доминирование русского языка считалось основным препятствием для повышения уровня этноязыкового самосознания внутри этих сообществ и работы по возрождению многих языков. Использование миноритарных языков, попадающих в эту категорию, все больше ограничивается внутрисемейным общением, и они используются, в основном, носителями, принадлежащими к старшим возрастным категориям. При этом процесс смены языка (миноритарного на русский) носит, согласно этой точке зрения, насильственно-принудительный характер [1, с. 241].

Согласно теории этноязыковой жизнеспособности, сообщества, чьи языки обладают низкой жизнеспособностью, более подвержены языковой ассимиляции и, в конце концов, перестают существовать как отдельные этнические группы, тогда как сообщества с жизнеспособными языками имеют больше шансов сохранить свои языки и свое культурное своеобразие в многоязычном государстве [2]. Инициатором движений за сохранение и возрождение миноритарных языков везде выступает национальная интеллигенция, в среде которой осознание ценности своей этнической идентичности и национального языка имеет более высокий уровень.

Обсуждение. Еще 23 января 2012 г. во время предвыборной кампании В.В. Путин опубликовал статью «Россия: национальный вопрос», в которой подчеркнул важность национального вопроса для самоопределения и суверенитета страны [3]. Он определил российскую нацию как политическое со-

общество, в котором особым образом организованы культурные различия. Эта особая организация отличает нашу страну от других стран. То есть на доктринальном уровне все, казалось бы, уже определено.

Однако уже ставшее привычным акцентирование уникальности этнокультурного состава России во многом безосновательно. Сосуществование двух уровней идентичности (гражданского и этнического) характерно для очень многих стран, поскольку современные нации-согражданства имеют сложный этнический, религиозный и расовый состав населения, причем культура, язык и религия большинства населения почти всегда выступает основой национальной культуры: английский компонент в британской нации, кастильский – в испанской, ханьский – в китайской, русский – в российской, но везде (кроме России) нация понимается как многоэтническое образование.

21 января 2016 г. на заседании президентского Совета по науке и образованию В.В. Путин, отвечая главе Курчатовского института М.В. Ковальчуку, который процитировал поэму Бориса Пастернака о Ленине «Высокая болезнь»: «он управлял течением мысли и только потому – страной», неожиданную резко для многих сказал: «Управлять течением мысли это правильно, нужно только, чтобы эта мысль привела к правильным результатам, а не как у Владимира Ильича. А то в конечном итоге эта мысль привела к развалу Советского Союза, вот к чему. Там много было мыслей таких: автономизация и т.д. Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом. И мировая революция нам не нужна была. Вот такая мысль там» [4].

Одной из причин распада стала используемая в СССР и сохранившаяся в современной России редкая модель государственного устройства, где внутреннее административное деление опирается частично на этнический фактор. В этом случае некоторые административные единицы имеют свое «титularyное» население, считающее себя этнонацией. Такой этнонационализм, выступающий от имени титульных народов-этносов ослабляет государство и препятствует формированию единой политической нации. Общегражданский национализм характеризуется инклюзивностью, тогда как этнонационализм, напротив, отличается эксклюзивностью. В условиях полиэтничного государства этнонационализм имманентно содержит зерна конфликтности. Само по себе этническое многообразие не является причиной конфликтов, но при возникновении конфликта оно часто определяет его характер [5; 6].

24 июля 2017 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на заседании того же Совета, отметил, что в некоторых субъектах РФ нарушается принцип добровольности в выборе изучаемых языков: «Языки народов России – это тоже неотъемлемая часть самобытной культуры народов России. Изучать эти языки – гарантированное Конституцией право, право добровольное. Заставлять человека учить язык, который для него родным не

является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского. Обращаю на это особое внимание глав регионов Российской Федерации» [7].

Президент имел в виду, что после распада СССР некоторые национальные республики стали вводить обязательное изучение своих государственных языков для всех детей, невзирая, а часто вопреки желанию самих детей и их родителей. Так, например, в Татарстане «родным для всех принудительно «назначен» татарский язык, ведь во всех без исключения школах здесь реализуется план обучения для детей «с родным нерусским языком обучения» [8]. Такая ситуация вызывает протест как у правозащитников и экспертов, так и у учащихся и их родителей, которые в 2015 г. направили Президенту обращение, в котором обращали его внимание на положение русского языка в национальных республиках. В нем говорилось, что в автономиях, особенно в Татарстане, Башкирии, Бурятии и Коми детям не дают полноценно изучать русский язык: «русские и русскоязычные дети, живущие в национальных республиках, лишены существенных прав и свобод, которыми имеют счастье пользоваться такие же русские и русскоязычные дети, не проживающие в национальных республиках России» [6].

Начавшаяся летом 2017 г. протестная кампания по поводу ущемления прав национальных меньшинств на изучение их родных языков не утихает, а в то же время Генпрокуратура ведет проверку, не принуждают ли в этих регионах детей учить титульные языки насильно. Местные борцы за малые языки, при поддержке так называемой «прогрессивной общественности», требуют выполнения лозунга «Малые народы должны говорить на малых языках!» [9].

Конфликты вызваны тем, что на постсоветском пространстве нет даже попыток рассматривать использование языков не как лингвистическую или политическую, а как социально-экономическую проблему.

В Российской Федерации исторически сформировалась диглоссия, при которой русский играет роль доминирующего языка. Если государственный язык субъекта Российской Федерации нуждается в толкованиях или непригоден для адекватного использования в определенных целях из-за недостаточного уровня стандартизации и кодификации, например, как язык высшего образования или рабочий язык на высокотехнологичных предприятиях, то языковая идеология постепенно приводит к диглоссии, в которой русский будет доминирующим (высоким) языком, а национальный государственный язык – миноритарным (низким).

Диглоссия обозначает особую конфигурацию отношений функциональной специализации между двумя языками или двумя вариантами одного языка. Диглоссию нельзя смешивать с социетальным двуязычием – это два фундаментально различных понятия как по своей социальной природе, характеру развития и долгосрочным последствиям. Основным признаком, который позволяет отличать диглоссию от социетального двуязычия, является

дисбаланс власти. Ассиметричная функциональная дифференциация кодов является общим знаменателем для целого ряда социолингвистических явлений, которые возникают, однако, в принципиально разных ситуациях [10]. Включение этих двух разных социолингвистических понятий в одну категорию не проясняет, а запутывает социолингвистическую теорию.

В классической фергюссоновской модели диглоссии только низкий язык является естественным родным языком. Высокий язык может только изучаться в процессе социализации, но не является первым.

Это положение сегодня уже не работает: семья больше не является главным инструментом воспроизводства языков: эту роль взяла на себя система образования.

Для того чтобы Россия хотя бы номинально могла обеспечить всем гражданам равное будущее, она должна предоставить всем равный доступ к образованию. Для людей, не имеющих языкового капитала (стартующих не с русского языка), этих возможностей меньше: пока ребенок, говорящий на миноритарном языке, будет тратить время на освоение русского до уровня родного, русскоязычный ребенок научится решать задачи олимпиады по физике [11]. Поэтому в успешных сферах (за исключением этнической преступности) трудно найти людей с проблемами в русском языке, у которых с детства формируется и воспроизводится отставание в человеческом капитале.

Именно поэтому многие представители национальных меньшинств хотят дать своим детям равные возможности с русскоязычными детьми – образование на русском языке.

Накопившиеся изменения свидетельствуют о том, что как власти, так и население Российской Федерации уже мыслят и действуют в рамках новой парадигмы языковой идеологии и политики, получившей название национально-функциональной. Ее основное отличие от этнокультурной заключается в том, что язык рассматривается не как средство укрепления этничности и поддержки этнической культуры, а, прежде всего, как инструмент формирования языкового капитала, который в дальнейшем трансформируется в другие формы человеческого капитала: социальную, профессиональную, экономическую и т.д.

Важной частью языковой идеологии является понятие языкового капитала, производное от понятия культурного капитала, описанного П. Бурдьё [12].

Применительно к образованию, культурный капитал означает, что некоторые учащиеся приходят в школу с культурным багажом и готовностью к обучению (позитивное отношение к учебе, мотивация, поддержка родителей, социальные привилегии). Это позволяет им комфортно чувствовать себя в школе и извлекать пользу из учебы, преобразуемую ими в жизненный успех. Те, у кого культурный капитал меньше, извлекают меньшую пользу из тех же самых школьных знаний, и их шансы на жизненный успех уменьшаются.

Эта социальная стратификация и паттерны доминирования и подчинения воспроизводятся системой образования, хотя школа призвана предоставлять равные шансы всем ученикам. Школа также производит культурный капитал, поэтому родители стремятся отдавать детей в определенные школы для приобретения культурного капитала, необходимого для преуспеваания в жизни.

Все это применимо и к языковому капиталу. Языковой капитал – это владение высокостатусным языком, который используется группами, обладающими экономической, социальной, культурной и политической властью в национальном или глобальном масштабе. Термин языковой капитал подразумевает, что учащиеся, которые владеют или имеют доступ к такому языку, увеличивают свой языковой капитал и, следовательно, повышают свои шансы на успех. Школы, которые открывают доступ к высокостатусному языку, предоставляют лучшие шансы для тех, кто сможет выучить этот язык.

Доступ открыт для всех, однако только немногие могут извлечь из этого пользу для формирования своего языкового (и, значит, и экономического, социального и культурного) капитала. Те, кто лишен языкового капитала (приобретенного до школы или в процессе обучения) имеют меньше шансов преуспеть в жизни. Школы, в зависимости от языка обучения, вовлечены в процесс воспроизводства и производства социальных привилегий: языковой капитал является одновременно средством и целью погони за жизненным успехом.

Поэтому родители стараются отдавать своих детей в школы с обучением на мажоритарном языке, стремясь обеспечить им хорошее будущее в рыночной экономике. Языковой капитал, как и другие формы капитала, имеет в этой экономике свою меновую стоимость. Он открывает дорогу к высокооплачиваемым карьерам на конкурентном рынке труда, в экономике, технологиях, науке, туризме и т.д. В досоветскую эпоху знание русского языка также обеспечивало тонкому слою местных элит социальные и экономические привилегии.

Такая практика приводит к серьезным социальным проблемам: школы с обучением на мажоритарном языке отбирают наиболее подготовленных учеников высокообразованных родителей и позиционируются как учебные заведения высшего сорта, тогда как школам с обучением на родном языке достаются менее способным детям менее образованных родителей. Эти школы позиционируются как второсортные учебные заведения. В России ученики школ с обучением на русском языке образуют будущую элиту, а их языковой капитал, который производится и воспроизводится на русском, оказывает сильное и долгосрочное влияние на их будущие карьеры.

П. Бурдье также пришел к выводу, что влияние языкового капитала особенно сильно проявляется на начальном этапе образования, хотя оно ощущается на всем протяжении обучения и определяет образовательную

карьеру. Так, выбор средней школы в большей степени определяется языковыми компетенциями, чем любыми другими критериями [12, с. 81–82]. Системы образования часто нацелены на учеников, которые обладают большим языковым и культурным капиталом и способны извлечь максимальную пользу из элитных форм образования. Языковой капитал, таким образом, превращается в образовательный, а затем – в экономический [12, с. 115–116]. Языковой капитал воспроизводит социальное неравенство и создает привилегии для миноритарной социальной группы за счет мажоритарной. При этом нужно учитывать, что языковая образовательная политика реализуется не изолированно: она сочетается с культурными и идеологическими воздействиями, формируемыми мажоритарной идеологией и практикой, нацеленными на сохранение своего влияния и власти.

Языковая политика является компонентом национальной политики каждого государства и должна быть направлена на достижение ее целей. Различные направления языковой политики группируются в два крупных кластера в зависимости от того, что является объектом их приложения: корпус или статус языка. Целью языковой политики являются либо сохранение существующей, либо создание новой, либо восстановление ранее существовавшей языковой ситуации.

Как показывает международный опыт, меры языковой политики, направленные на корпус языка, малоэффективны и высокочрезмерны. Самым эффективным способом изменения языковой ситуации признана языковая образовательная политика, целью которой является воздействие на языковую ситуацию в государстве через систему общего образования, путем формирования новой языковой модели гражданина, что через 20–30 лет автоматически приводит к радикальному изменению языковой ситуации, выражающемуся в вытеснении из употребления прежнего мажоритарного языка и замене его другим, автохтонным или иностранным.

К сожалению, в Российской Федерации языковая образовательная политика как отдельное направление исследований пока еще не пользуется признанием. Такое отставание в теоретическом плане приводит к серьезным политическим последствиям.

После серии языковых конфликтов, имевших место на территории бывшего СССР и в некоторых субъектах Российской Федерации в конце XX в. и вызванных принятием законодательных актов, запрещающих или ограничивавших использование русского языка и прав русскоязычного населения, этнократические элиты этих регионов перешли к другой тактике, копирующей методы смены языков (*language shift*), успешно использованные в целом ряде государств как в Европе (например, Северная Европа и скандинавские страны), так и в Юго-Восточной Азии (Сингапур, Малайзия, Индонезия) и Африке (Танзания, Нигерия и др.).

Эта тактика заключается в избегании открытых конфликтов с мажоритарными языками и в изменении языка обучения детей, поступающих в пер-

идеологии определяется сложным комплексом социальных и политических факторов, действующих в определенный исторический период и делающих определенную языковую идеологию доминирующей в этот период. Эта идеология сохраняется, пока действует сочетание данных социально-политических факторов. Если эти факторы меняются, должна возникнуть новая языковая идеология.

В Российской Федерации имеются следующие категории носителей автохтонных языков:

- 1) носители, у которых первым языком является русский;
- 2) носители, у которых первым языком является государственный язык республики в составе Российской Федерации;
- 3) носители, у которых первым языком является этнический язык одного из народов Российской Федерации;
- 4) носители-билингвы или трилингвы, у которых в функции первого языка используются два или более языков.

Языковая образовательная политика развивается по следующим направлениям:

– обучение первому (родному, материнскому) языку. В территориальных субъектах Российской Федерации таким языком является русский, а в национально-территориальных субъектах – либо русский, либо государственный(е) язык(и) данного субъекта, если таковые имеются. Прогнозирование языковой ситуации требует регулярного мониторинга и анализа использования и изучения русского языка и языков народов Российской Федерации в различных субъектах;

– обучение второму языку. В национально-территориальных субъектах Российской Федерации, если обучение ведется на одном из языков народов РФ, вторым языком является русский. Проблемами двуязычного обучения занимается Центр билингвального обучения в РГПУ им. А.И. Герцена, однако достоверная статистика в этой сфере отсутствует;

– выбор языка обучения в многоязычном и мультиэтничном государстве. Возникающие в Российской Федерации конфликты по поводу языка обучения связаны с унаследованной от СССР структурой федерации, в которую входят два типа субъектов: территориальные, в которых функционирует общегосударственный русский язык, и национально-территориальные, в которых, наряду с общегосударственным, признается государственный язык национальной республики, на котором, в большинстве случаев, также ведется обучение;

– выбор иностранных языков для изучения/обучения. Проблема выбора иностранных языков для изучения/обучения является совершенно не изученной в условиях Российской Федерации, тогда как в Европейском союзе, например, уже совершен переход от субъективных методов выбора иностранных языков к количественно-рациональным с использованием калькулятора весов языков;

– обучение национальному языку за рубежом. Положение с изучением русского языка в русскоязычных диаспорах и ирридентах должно быть объектом мониторинга и анализа с целью оказания поддержки и прогнозирования перспектив сохранения и развития русскоязычных сообществ за рубежом.

В зависимости от языковой ситуации в регионе, в котором проживает носитель, относящийся к каждой из перечисленных категорий, у него формируются свои специфические языковые потребности, которые должны учитываться системой общего образования при определении обязательных и факультативных языков для обучения и изучения. То, что в Российской Федерации не разработаны языковые модели для разных категорий носителей автохтонных языков, является серьезным отставанием по сравнению с языковой идеологией и языковой политикой близких к нам многоязычных государств, например, Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой.

Поскольку в Российской Федерации в зависимости от первого языка и региона проживания выделяются четыре категории носителей (хотя носители, отнесенные к четвертой категории, могут включаться в любую из трех первых), языковая модель россиянина XXI в. должна быть поливариантной и включать, как минимум, четыре модели (см. табл. 1–4).

Таблица 1

**Языковая модель россиянина, проживающего
в русскоязычном территориальном образовании,
у которого первым является русский язык**

Сферы употребления	Русский язык	Государственный язык республики	Этнический(ие) язык(и)	Иностран- ный(ые) язык(и)
Государственное управление	+	–	–	–
Муниципальное управление	+	–	–	–
Образование	+	–	–	–
Культура	+	По желанию	По желанию	–
Законодательная деятельность	+	–	–	–
Судебная система	+	–	–	–
Здравоохранение	+	–	–	–
Армия	+	–	–	–
Правоохранительная сфера	+	–	–	–
Производство и бизнес	+	–	–	–

Окончание табл. 1

Сферы употребления	Русский язык	Государственный язык республики	Этнический(ие) язык(и)	Иностран-ный(ые) язык(и)
Внутриобщинное общение	+	–	–	–
Внутрисемейное общение	+	–	–	–
Международная коммуникация	–	–	–	+
Научная коммуникация	+	–	–	+
Трансферт технологий	+	–	–	+

Таблица 2

**Языковая модель россиянина,
проживающего в национально-территориальном образовании,
у которого первым является русский язык**

Сферы употребления	Русский язык	Государственный язык республики	Этнический(ие) язык(и)	Иностран-ный(ые) язык(и)
Государственное управление	+	По желанию	–	–
Муниципальное управление	+	По желанию	–	–
Образование	+	По желанию	–	–
Культура	+	По желанию	По желанию	–
Законодательная деятельность	+	По желанию	–	–
Судебная система	+	По желанию	–	–
Здравоохранение	+	По желанию	–	–
Армия	+	–	–	–
Правоохранительная сфера	+	По желанию	–	–
Производство и бизнес	+	По желанию	По желанию	–
Внутриобщинное общение	+	–	По желанию	–
Внутрисемейное общение	+	–	–	–
Международная коммуникация	+	–	–	+

Сферы употребления	Русский язык	Государственный язык республики	Этнический(ие) язык(и)	Иностранный(ые) язык(и)
Научная коммуникация	+	–	–	+
Трансферт технологий	+	–	–	+

Таблица 3

**Языковая модель россиянина,
проживающего в национально-территориальном образовании,
у которого первым является государственный язык республики**

Сферы употребления	Русский язык	Государственный язык республики	Этнический(ие) язык(и)	Иностранный(ые) язык(и)
Государственное управление	+	На территории субъекта	–	–
Муниципальное управление	+	На территории субъекта	На территории национально-территориального образования	–
Образование	+	По желанию	По желанию	–
Законодательная деятельность	+	+	–	–
Судебная система	+	+	–	–
Здравоохранение	+	+	–	–
Армия	+	–	–	–
Правоохранительная сфера	+	+	–	–
Производство и бизнес	+	+	+	–
Внутриобщинное общение	+	+	–	–
Внутрисемейное общение	+	+	–	–
Международная коммуникация	+	–	–	+
Научная коммуникация	+	–	–	+
Трансферт технологий	+	–	–	+

Таблица 4

**Языковая модель россиянина,
проживающего в национально-территориальном образовании,
у которого первым является этнический язык**

Сферы употребления	Русский язык	Государственный язык республики	Этнический(ие) язык(и)	Иностран-ный(ые) язык(и)
Государственное управление	+	На территории субъекта	-	-
Муниципальное управление	+	На территории субъекта	На территории национально-территориального образования	-
Образование	+	По желанию	По желанию	-
Законодательная деятельность	+	+	-	-
Судебная система	+	+	+	-
Здравоохранение	+	+	+	-
Армия	+	-	-	-
Правоохранительная сфера	+	+	+	-
Производство и бизнес	+	+	+	-
Внутриобщинное общение	+	+	+	-
Внутрисемейное общение	+	+	+	-
Международная коммуникация	+	-	-	+
Научная коммуникация	+	-	-	+
Трансферт технологий	+	-	-	+

Выводы. Языковая образовательная политика, реализуемая в разных регионах Российской Федерации в отношении разных категорий носителей русского языка, государственных языков республик и других языков народов РФ, должна строиться с учетом различий языковых моделей и того фактора, что принадлежность носителя к той или иной модели далеко не всегда определяется его этническим происхождением.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Yagmur K., Kroon S.* Objective and Subjective Data on Altai and Kazakh Ethnolinguistic Vitality in the Russian Federation Republic of Altai // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2016. – Vol. 27. – № 3. – P. 241–258.
2. *Bourhis R.Y., Giles H., Rosenthal D.* Notes on the construction of a 'subjective vitality questionnaire' for ethnolinguistic groups // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 1981. – Vol. 2. – № 2. – P. 145–155.
3. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // *Независимая газета*. – 23.01.2012. – URL: www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 15.06.2017).
4. Путин рассказал ученым о подрывной роли Ленина в российской истории. – URL: <http://www.interfax.ru/russia/490856> (дата обращения: 10.03.2017).
5. Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2012. – 651 с.
6. Путина просят спасти русский язык в национальных республиках России. – URL: <http://kazan.mk.ru/articles/2015/05/14/putina-prosyat-spasti-russkiy-yazyk-v-nacionalnykh-respublikakh-rossii.html> (дата обращения: 16.08.2017).
7. *Крылов А.* Я русский бы выучил только за то... – URL: <https://www.vz.ru/columns/2017/7/24/879930.html> (дата обращения: 16.08.2017).
8. *Резчиков А.* Духовный каркас всей нашей многонациональной страны. – URL: <https://vz.ru/society/2017/7/20/236547.html> (дата обращения: 16.08.2017).
9. Малым народам – малый язык. Анастасия Миронова о том, почему первой от обязательного изучения татарского отказалась татарка. – URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/10965062.shtml> (дата обращения: 02.12.2017).
10. *Nelde P., Strubell M., Williams, G.* *Euromosaic: The Production and Reproduction of the Minority Language Groups in the European Union*. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1996.
11. *Blommaert J.* *Language policy and national identity // An introduction to language policy: Theory and method / T. Ricento (ed.)*. – Oxford: Blackwell, 2006. – P. 238–254.
12. *Bourdieu P.* *The forms of capital // Education: Culture, Economy, Society / A.H. Halsey, H. Lauder, P. Brown, A.S. Wells (eds.)*. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – P. 241–258.
13. *Bourhis R.Y., Giles H., Rosenthal D.* Notes on the construction of a 'subjective vitality questionnaire' for ethnolinguistic groups // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 1981. – Vol. 2. – № 2. – P. 145–155.
14. *Romaine S.* *Planning for the Survival of Linguistic Diversity // Language Policy*. – 2006. – № 5. – P. 441–473.